

Шоинбеков А. Некоторые особенности погребально-поминальной обрядности шунганцев; обряд разбивания чаши на могиле и его интерпретация // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. СПб.; 2007. С. 167–171.

Эльчибеков К. История исмаилизма // История Горно-Бадахшанской автономной области. Душанбе, 2005. Т. I. С древнейших времен до новейшего времени. С. 452–487.

К.С. Васильцов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМИРСКОГО ИСМАИЛИЗМА

Вплоть до недавнего времени Памир для европейцев был своего рода *terra incognita* — географическая изолированность этого высокогорного региона от равнинных территорий, а также суровые климатические условия немало способствовали тому, что практически до конца XIX столетия Памир оставался неизвестен остальному миру. Впрочем, и теперь, несмотря на успехи как российских (советских), так и зарубежных исследователей в деле изучения истории, материальной и духовной культуры населяющих Горный Бадахшан народов, многие стороны жизни горцев не нашли по тем или иным причинам должного освящения в этнологической и востоковедной литературе. К подобного рода «белым пятнам» можно, как представляется, отнести и практики паломничества и поклонения святым местам, до сих пор бытующие среди местного населения. В основу статьи легли материалы полевых исследований 2007 и 2008 гг. «Центральноазиатской этнологической экспедиции» (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого «Кунсткамера» РАН).

Прежде чем обратиться к указанной нами в заглавии статьи проблематике, необходимо сделать некоторые предварительные замечания, которые, как видится, окажутся небесполезными в ходе нашего последующего изложения.

Большинство населения Западного Памира исповедует ислам шиитского толка и принадлежит к исмаилитской его ветви. Нет нужды здесь подробно останавливаться на общих моментах истории исмаи-

лизма, тем более, что эта тема достаточно подробно, во всяком случае настолько, насколько это позволяют сделать имеющиеся в настоящее время в распоряжении ученых нарративные источники, разработана в современной науке. Отметим лишь, что об истории исмаилитов Бадахшана до падения низаритского государства в Иране с центром в горной крепости Аламут (1256 г.) нам известно очень немного, что связано, прежде всего, с отсутствием надежных письменных свидетельств на этот счет. Вплоть до XI века, то есть до образования исмаилитского-низаритского государства в Аламуте, этот горный регион не был, скорее всего, полностью исламизирован, а местное население оставалось верным различным древним иранским верованиям и культурам. Известную роль в религиозной жизни горцев играл также и буддизм, о чем свидетельствуют обнаруженные археологами на территории Бадахшана развалины буддийских храмов. Можно предполагать, что проникновение и утверждение исмаилизма на Памире шло достаточно медленно и, несмотря на деятельность низаритских *да'у*, к середине XIII века исмаилитская община Горного Бадахшана оставалась весьма незначительной. Ситуация, видимо, изменилась с разгромом низаритского государства в Иране, когда, вынужденные скрываться от преследований монголов, многие исмаилиты бежали в Центральную Азию и Индию, способствуя тем самым пропаганде и популяризации исмаилитского вероучения среди местного населения. Впрочем, как замечает современный исследователь Ф. Дафтари, собственно бадахшанская традиция относит принятие исмаилитского *да'ва* к более раннему периоду. По его словам, первыми низаритскими *да'у* (букв. проповедник) были Саййидшах Маланг и Мир Саййид Хасаншах Хамуш, которые основали династии пиров (*пир*) и миров (*мир*) в Шугнани и Рушани, а также в верховьях Амударьи. Не вдаваясь в подробности политической истории Бадахшана, отметим, что этот горный регион, избежав монгольского завоевания, впоследствии оказывался попеременно под властью тимуридских эмиров, бухарских и афганских правителей вплоть до вхождения в состав Российской империи.

Особенности географического положения, а также специфика исторического пути развития Западного Памира естественным образом сказались на формах бытования здесь ислама, что, соответственно, позволяет поставить вопрос о характере памирской религиозности — то есть способе функционирования и существования «регионального ислама», конкретном проявлении тех или иных общемуусульманских представлений в условиях Горного Бадахшана. Мы, разумеется, не претендуем на сколько-нибудь подробное или детальное изучение данной проблематики да и не можем ставить сейчас перед собой подобного рода задачи. Наметим лишь некоторые возможные подходы к исследованию комплекса вопросов, непосредственно касающихся обозначенной выше темы.

Безусловно, одним из важных направлений изучения памирского исмаилизма должно стать исследование и введение в научный оборот памятников письменности. Низариты Горного Бадахшана сохранили отчетливую литературную традицию, опирающуюся на корпус сочинений исмаилитской общины в Иране. Бадахшанские исмаилиты, насколько можно судить по доступным в настоящее время источникам, не создали собственной, оригинальной интеллектуальной школы — со времен Насир-и Хосрова (ум. после 1072 г.) памирская низаритская община не выдвинула, пожалуй, самобытных авторов, сравнимых с Насир ад-дином Туси или Абу Исхаком Кухистани. Вместе с тем, литературная традиция исмаилитов Памира представляет несомненный интерес для исследователей, поскольку сумела сберечь многие сочинения, относящиеся к интеллектуальной продукции как иранской исмаилитской общины, так и к более раннему периоду. Характерный тому пример — анонимный протоисмаилитский трактат *Умм ал-китаб*, списки которого были обнаружены в Шугнани. Следует к этому добавить, что многие рукописи исмаилитских сочинений хранятся теперь в частных собраниях и не всегда доступны широкой публике. Важной особенностью литературного наследия бадахшанской общины низаритов следует отнести также весьма заметное влияние на исмаилитских авторов сочинений иранских суфиев. Показательно, что персоязычные низариты посталамунтского периода стали относить некоторых поэтов-мистиков, таких, как, например, Сана'и (р. 1045 г.), Фарид ад-дин Аттар (1119-1230 г.), Джалал ад-дин Руми (1207-1273 г.), к своим единоверцам, а извлечения и списки их произведений сохранялись в личных библиотеках исмаилитов Бадахшана.

Не менее важным является также и изучение системы бытующих среди населения Горного Бадахшана ритуальных и обрядовых практик, которые сохранили многие архаические черты и являются одним из наиболее устойчивых элементов традиционного уклада жизни памирцев. На протяжении многих веков мусульманская религия была и остается доминирующей идеологической системой, регламентирующей различные сферы жизни памирского общества. История проникновения и утверждения ислама в Горном Бадахшане, особенности его географического положения, существование в этом регионе собственной богатой культурной традиции привели к тому, что здесь сложились уникальные, самобытные формы бытования религии Мухаммада. Вобрал в себя многие элементы традиционных верований, неразрывно связанных с историческим и духовным наследием народов Центральной Азии, ислам обретает специфические черты, отражающие своеобразие мышления, сложившейся в этом регионе древней культуры. Сразу заметим, что речь здесь идет не о столкновении или противостоянии в рамках культуры ислама тех или иных представлений, восходящих к иным религиозным традициям, к иной системе мировосприятия в целом, но о *сосуществовании* различных субстратов, определяющих «лицо» этой

культуры, ее онтологическую структуру, формирующих мыслительные и художественные схемы, функционирующие в ее пространстве. Сказанное отнюдь не означает, что те или иные обряды жизненного цикла, культовые и ритуальные практики не имеют никакого отношения к нормам ислама, а представляют собой нечто от мусульманской религии независимое или даже чужеродное. Однако, будучи *освящены* исламом и рассматриваемые именно в качестве мусульманских, они имеют множество архаических черт. «Раз возникнув — писал непопулярный в наши дни Ф. Энгельс — религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой». Таким образом, в данном случае мы имеем дело с устойчивой традицией, возникшей в не-исламской культурной среде, но сохранившейся и продолжающей функционировать в новых для себя условиях.

Весьма показательными в этом контексте можно считать места паломничества и поклонения Западного Памира.

В большинстве районов Центральной Азии «святое место» называют либо арабским термином *мазар*, либо персидским *зийаратгах*, на Западном Памире используется, обыкновенно, древнеиранское слово *остон*. Остонами считаются могилы почитаемых мужей — религиозных деятелей (*пиров* или *халифа*), праведников, а равно и людей пользовавшихся почетом и уважением среди местного населения, например, известных мастеров или ремесленников. Остоны такого рода весьма часто встречаются в Бадахшане, при этом связываются они как с реальными историческими лицами, так и с полубогатырями. Существует также и особый тип почитаемых мест — *кадамджой*, по всей вероятности, генетически связанный с древним культом камней. Кадамджой может представлять собой как отдельный камень или валун, так и искусственно сложенную грудку камней. Согласно свидетельствам этнографов и путешественников начала XX века, памирцы произносили молитвы у этих камней, оставляли около них подношения, просили исцеления от болезней, совершали обряд зажигания светильника (*чарог равшан*) и т.п. В некоторых местах Западного Памира такого рода практики сохранились и поныне. Следует отметить, что почитание камней восходит, всего вероятнее, к доисламским временам, однако позднее, после утверждения на Памире исмаилизма многие подобные места поклонения стали связываться с именами чтимых среди мусульман-исмаилитов религиозных деятелей.

В духовной и религиозной жизни памирцев места паломничества и поклонения и до сего времени продолжают играть весьма важную роль, тем более, если учитывать тот факт, что памирские исмаилиты в силу сложившихся исторических обстоятельств, не имели специальных культовых сооружений (мечетей) для отправления молитв, что, разумеется, не могло не сказаться на отношении памирцев к «святым местам».